

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 59 (766)

26 октября 1938 г., среда.

Цена 30 коп.

Поездка в Крым

Мы, тогда еще «Художественно-общедоступный театр», поехали в Крым, собственно в Ялту, показать Антону Павловичу Чехову две его пьесы — «Чайку» и «Дядю Ваню», которых он не видел.

По дороге остановились в Севастополе, где тоже дали несколько представлений.

Спектакли имели большой успех, публики было много, стояла дивная ранняя весна, почти все мы были молоды, страстно влюблены в свой театр, безгранично верили в своих руководителей К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и обожали Антона Павловича Чехова.

Все это вместе взятое создавало особую повышенную атмосферу радостного праздника, предчувствия больших, необычайных переживаний.

Мы знали, что в Ялте живет М. Горький. Многие из нас читали его произведения, спорили о них. Одни сразу признавали новое восходящее литературное дарование, восхищались его горячим, бурным темпераментом, видели в нем глашатая новых мыслей и чувств, другим не нравилось, что «море смеялось» в рассказе «Мальва», что герои писателя — «подонки человечества».

Антон Павлович приехал в Севастополь навстречу театру, хотя его уговаривали не рисковать здоровьем и дождаться нашего приезда в Ялту.

Шел спектакль «Гедда Габлер». В антракте слышу — в коридоре глуховатым баском разговаривает с кем-то Антон Павлович. Обрадованно подумала: «Сейчас зайдет, должно быть. Боюсь, не понравится ему только, это не в его вкусе»... И действительно, слышу — стучится в тонкие досчатые двери убогой моей уборной — играли мы в летнем театре где-то на бульваре. Спрашивает:

— К вам можно, Мария Федоровна? Только я не один, со мной Горький.

Сердце забилося — батюшки! И Чехов и Горький. Встала навстречу. Вошел Антон Павлович, я его давно знала, еще до того, как стала актрисой, а за ним высокая тонкая фигура в голубой летней русской рубашке; на голове белая фуражка, волосы длинные, прямые, усы большие и рыжие.

Неужели это Горький? Такой некрасивый...

Антон Павлович говорит:

— Вот, знакомьтесь, Горький. Восхищается очень.

— Чорт вас знает, как вы хорошо играете! Чудесно, чудесно, — трясая меня крепко за руку, немножко нарочитым басом гудит Алексей Максимович... А потом улыбнулся, сверкнул из-под усов ровными крепкими зубами, и глянули его изумительные голубые глаза из-за густых ресниц так светло и ярко, что с этой минуты, и уже на всю жизнь, стал он самым красивым и обаятельным человеком на свете.

Мы почти все, огромное большинство труппы, сразу влюбились в Горького.

Когда мы играли в Ялте, мы много раз видели Горького — в доме Антона Павловича, на спектаклях в театре и вообще в городе. В Ялте тогда собралась почти вся группа «Знания» — Елпатьевский, Бунин, Куприн, Гусев-Оренбургский, Скиталец и еще какие-то менее известные писатели. Жил в Ялте Мамин-Сибиряк. Все свободное от репетиций и спектаклей время мы, актеры, проводили вместе с писателями, и многих из нас поражало их какое-то двойственное отношение к Горькому.

Как-то у Чехова произошла такая сцена. После чая, это было часа в 4 дня, собрались в кабинете у Антона Павловича несколько человек из нашего театра. Был Бунин и молодой писатель в форме морского офицера по фамилии, кажется, Лазаревский; отлично помню, что он сильно надоедал Антону Павловичу, требуя к себе особого внимания, — он привез какие-то свои произведения на отзыв. Были еще Скиталец, Чириков и Алексей Максимович.

Где бы ни был Алексей Максимович, он

обычно становился центром внимания. Так и в этот раз. Он горячо говорил, широко размахивал руками и вообще вел себя для нас непривычно. Двигался он необычайно легко и ловко. Кисти рук, очень красивые, с длинными выразительными пальцами, чертили в воздухе какие-то фигуры и линии, и это придавало его речи особую красочность.

Антон Павлович сидел на диване, поджав под себя ноги и с умной улыбкой внимательно слушал.

Говорил Горький о двух русских гениях — Толстом и Достоевском, яростно утверждая, что эти великие художники принесли и великий вред русскому народу, стараясь пресечь, остановить и удержать историю его развития.

На лицах слушающих ясно видно было, что с Горьким они не согласны; однако, никто не вступал с ним в спор. Так и дали ему, выговорившись, попрощаться и уйти, — он куда-то спешил.

Но стоило Горькому уйти, и сразу заговорили, заспорили, закричали «братья-писатели». Особенно возмущались уже тогда злопыхатели — Бунин и Чириков.

— Какое нахальство! Как он смеет!.. Самоучка!..

По существу никто ничего не говорил, а только больше бранились и возмущались.

Антон Павлович тихо покашливал, насмешливо морщился и тихо сказал под конец:

— Что ж вы это ему все самому не сказали?

А. М. Горький нежно любил А. П. Чехова, он преклонялся перед его талантом, мастерством; пока мы играли в Ялте, он не пропустил ни одного представления пьес Чехова. Не будучи занятой в «Дяде Ване», я наблюдала, как воспринимал Горький происходящее на сцене. Глаза его то вспыхивали, то гасли, иногда он крепко встряхивал длинными волосами, видно было, как он старается сдержаться, пересилить себя, но слезы неудержимо заливали глаза, лились по щекам, он досадливо смахивал их, громко сморкался, смущенно оглядывался и снова неотрывно смотрел на сцену.

В Москве Нину Заречную в «Чайке» играла М. А. Роксанова, в поездке эту роль поручили мне. Играли эту пьесу у нас очень хорошо. Превосходна была О. Л. Книппер в роли актрисы Аркадиной, Вс. Э. Мейерхольд в роли ее сына — писателя Треплева, К. С. Станиславский — Тригорин; изумительная по простоте, правдивости и силе чувства была М. П. Дилина в роли Маши, хорошо играли все участники спектакля. Недаром на первом представлении в Москве, когда после окончания первого действия опустился занавес, публика несколько секунд сидела не шелохнувшись и, только придя в себя, разразилась аплодисментами.

Мы с Иваном Михайловичем Москвиным сидели в это время под сценой, так как нам, незанятым в пьесе, было поручено петь дуэт, о котором говорят на сцене.

Спели. Слышим — наверху пошел занавес. Ждем. Гробовое молчание: «неужели провал?» Сидим мы с Иваном Михайловичем, прижавшись друг к другу, как два воробья, посмотреть один на другого боимся... Вдруг слышим — словно крупный дождь по крыше забарабанил, раздались аплодисменты, да какие! Вскочили мы с места, обнялись, плачем от радости, ноги дрожат — идти не можем. Потом поднялись на сцену, наверх, а там все обнимаются, кричат, радуются!

Воистину общим, всем нам родным и дорогим делом был для нас и тогда наш «Художественно-общедоступный театр». Сейчас, когда мы, первый отряд советского орденоносного МХАТ им. Горького, вспоминаем эти события из жизни давнего прошлого, каждый по-своему и по-разному видит их в памяти своей; но одно у нас у всех осталось общее: через 40 лет мы пронесли горячую любовь и глубочайшее уважение к искусству, к литературе, к труду, творчеству и мощи человеческого гения.